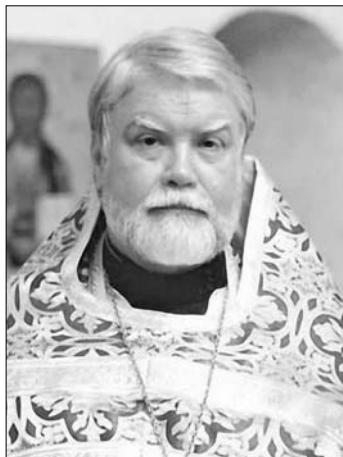

ПРОТОИЕРЕЙ ЯРОСЛАВ ШИПОВ

НЕБО

РАССКАЗЫ

СЧАСТЬЕ

Классе в третьем или, может, в четвёртом отправился я навестить своего друга, заболевшего сразу после каникул. Отец его был военным лётчиком, жили они на Центральном аэродроме, в бараке, именовавшемся офицерским общежитием.

Под слагбаум на КПП я нырнул с такой уверенностью, что часовой принял меня за местного жителя, не остановил и ни о чём не спросил. Но дверь нужной квартиры на стук не открывалась. Соседка, вышедшая трясти половики, сказала, что друг мой уехал с матерью на рентген и надобно подождать. Ну, а где ждать? У барака ни единой скамеечки. Пошёл к самолётам.

Людей на стоянке не было. Серебристый Ил-14 располагался на асфальтированной площадке, а зелёный Ил-12 — на траве. Лёг к нему под крыло, в тенёчек, положил вместо подушки портфель и, уставившись на большую красную звезду над собой, уснул. Разбудил меня громкий голос:

— Это ещё кто такой?

Я выбрался из-под крыла и растерянно замер перед лётчиком в кителе подполковника.

— Ты что тут делаешь?

— Сплю.

— Петров, — обратился он непонятно к кому, — у тебя тут посторонний.

ШИПОВ Ярослав Алексеевич родился в 1947 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. С 1979-го по 1981 год работал в журнале "Наши современники". Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. С 1991 года — священник. Служил на отдаленных сельских приходах. В настоящее время служит и живёт в Москве.

— Видел, товарищ подполковник, — отвечал с другой стороны самолёта Петров, наклонившийся к стойке шасси, — чуть не споткнулся об него.

— А что ж не выпроводил?

— Да очень уж сладко спал. Это ж счастье — смотреть сны под крылом.

Подполковник улыбнулся:

— Есть такое дело... Наверное, хочешь стать лётчиком?

— Конечно, хочу.

— Книжки читаешь? Ну, там Пушкина, Толстого, Чехова?

— Конечно, читаю!

— А ещё кого?

— Пришвина, Майн Рида, Бианки...

— А какая самая любимая?

— “Реактивные самолёты мира”.

Он расхохотался:

— А откуда у тебя такая книга?

— Она не моя — старшего брата.

Когда старшего брата не было дома, я доставал из его книжного шкафа эту книгу и часами рассматривал чертежи и фотографии самолётов.

— Петров! Берём его инструктором на курсы переподготовки.

— Практических навыков нет, — возразил Петров, — не знаком с управлением, а то бы взяли.

— Почему не знаком? — говорю. — Знаком: штурвал на себя — в высоту, от себя — снижение. Пока тут ломаный Ли-2 стоял, мы с ребятами натренировались.

— Петров! Я остаюсь: парень полетит вместо меня.

Петров, наконец, подошёл к нам. Он был в гимнастёрке с погонами майора.

— Ну, а теперь, дружище, — от винта, — и протянул мне руку.

Я старался пожать её своей ладошкой как можно крепче. Так же попрощался со мной и подполковник.

Они улетели, а я, глядя им вслед, думал, какое счастье мне привалило: и под крылом самолёта поспал, и два лётчика руку пожали.

ПЛЕНЭР

Колька собрался поступать в художественное училище, а для конкурса срочно понадобился этюд на пленэре. У него такой этюд был приготовлен, однако на предварительном просмотре работу забраковали, дескать, наш вытоптаный футболом двор с помойкой на дальнем плане едва ли вдохновит приёмную комиссию. “Тот ещё “Московский дворик”, — сказали ему. — Спрячь и никому не показывай”. Хотя всем нашим ребятам картинка нравилась.

Вот Колька и пристал: свези его на пленэр да свези. “Ты, — говорит, — за грибами куда-то шастаешь, там, наверное, места красивые — давай съездим!” У нас рядышком платформа “Беговая”, и я, действительно, в грибной сезон частенько навещался в ближние леса: корзину можно было набрать, отъехав километров десять-двенадцать. Но, во-первых, сейчас, по весне, годился только лес со сморчками и строчками, а во-вторых, живописцу нужен был пейзаж, запечатлевший трудовую деятельность. Пришлось отправляться подальше. На первой электричке мы доехали чуть не до Кубинки и побрели в сторону Нарских прудов.

В каком-то месте Колька воскликнул: “Вот оно!” На переднем плане деревья и кусты с молодыми листочками, дальше — вспаханная земля — как раз трудовая деятельность, за пашней — деревенька. Колька установил этюдник, а я пошёл искать грибы.

Эти места хороши тем, что над головой целыми днями крутятся самолёты из Кубинки. Тогда в ходу были двадцать первые МиГи — красивые истребители с треугольным крылом. То посмотришь вниз на грибы, то вверх на МиГи — завлекательное времяпрепровождение!

Насобирав корзинку, вернулся к художнику, а он всё работает. Стал я искать хоть какое-нибудь занятие, и внимание моё привлекла неглубокая

яма, которую я поначалу принял за воронку времён войны — их тогда в Подмосковье было много.

А тут вдруг заметил, что она, хоть и подзатынулась и позаросла, но не круглая, как положено воронке, а скорее прямоугольная, и, значит, это либо землянка, либо блиндаж — здесь ведь проходила линия обороны Москвы.

У меня был кухонный ножик — обрабатывать грибы, вот с его помощью я и начал раскопки. Сначала нашёл металлический кожух от гранаты с насечкой для осколков — вероятно, сама граната была деревянной и потому не сохранилась. В сорок первом году делали такие на скорую руку. Потом откопал горсть патронов, пулемётную ленту.

Тут Колька, завершив творчество, присоединился ко мне. Ему удалось найти какую-то железяку, с помощью которой ковырять землю было удобнее, чем ножом. Мы так увлеклись, что не обратили внимания на град — кратковременный, мимолётный. Но когда стали собираться домой, обнаружилось, что Колькин пейзаж, оставленный на этюднике, погиб: град перемешал все краски. Особенно жаль было пашню — Колька долго бился над ней, говорил, что она как будто жирная, блестит под солнцем. Я, впрочем, никакого блеска не обнаруживал: земля как земля.

Спросил, будет ли он сейчас переделывать? Оказалось, что уже нельзя: солнце поднялось высоко, освещение изменилось, тени исчезли, а без теней ему неинтересно.

— Капризный, — говорю, — вы народ — художники: деревья на месте, пашня на месте, избы на месте, а ему — какие-то тени подавай!

Но Колька обещал восстановить пейзаж дома, по памяти

Собрали мы всё, что накопили, пошли на станцию. Колька вздыхает:

— Не повезло сегодня с пленэром.

И тут у нас за спиной как грохнет! Оборачиваемся, а над нашей землянкой облако дыма: не иначе, мы что-то расшевелили, что-то задели, оно и рвануло.

— А по-моему, — говорю, — сегодня нам очень даже повезло. Только матери не рассказывай.

ПРЕДСТОЯТЕЛЬ

Отмечали у отца диакона День Победы. Вдруг в стене, отделявшей церковный двор от резиденции, раскрылась калиточка, и показался седой старик в зачётом подрянике. Он прикрывал ладонью глаза от солнца, и мы не сразу сообразили, что перед нами Патриарх Пимен. Диакон выбежал узнать, в чём дело, и выяснилось, что Патриарх хотел бы испечь картошку — костёр у него уже горел. Диакон вымыл несколько картофелин, вытер насухо и отнёс.

Когда Патриарх прощался с нами, его седые усы были в саже.

— Ну вот, — сказал он, — надо хотя бы иногда хоть чего-то делать. А то ведь всю жизнь — у Христа за пазухой и ничего не делаю: в монастыре — кормят, обувают, одевают, в армии — кормят, обувают, одевают, даже в тюрьме...

На груди у него была приколотая к подряснику красная нашивочка за ранение.

Мой приятель, писавший в это время исторический роман, много работал в архиве Министерства обороны, и ему попалось личное дело Сергея Михайловича Извекова — будущего Патриарха Пимена. Для романа этот документ был не нужен, однако из любопытства приятель пролистал его, а потом, зная, что я начал воцерковляться, пересказал мне. Так что я уже слышал и про тюрьму, и про ссылку, и про войну, и про контузию...

Внезапное появление Патриарха Пимена в резиденции удивило нас: он ведь не только не поселился в усадьбе бояр Колычевых, которую Сталин некогда подарил Патриарху Алексию (Симанскому), именуемому теперь Алексием Первым, но и вообще крайне редко заезжал сюда. Быть может, как раз потому, что здесь всё сохраняло память о прежнем населенье — усадьба была похожа на мемориальный музей. Получалось, что теперь он приехал испечь картошки и таким образом отметить в одиночестве свой праздник.

Смотрителем покоев был в ту пору архимандрит Иоасаф — лаврский монах, фронтовик, человек дружелюбный, приветливый. Однажды он показал мне крохотную келью, в которой жил патриарх Алексий (Симанский): кровать, письменный стол и застеклённый книжный шкаф. В шкафу — литературные журналы шестидесятых годов и книги советских писателей той же эпохи: тогда появилось много хорошей прозы.

А ещё рядом с кроватью стояло инвалидное кресло — по-другому хозяин кельи передвигаться уже не мог, — вероятно, сказались ежедневные богослужения в неотапливаемых храмах блокадного Ленинграда.

Никакого другого имущества у Патриарха Алексия Первого не было.

У Патриарха Пимена тоже не было никакого имущества. Он шутил о своём “гардеробе”:

— Одних портянок истрепал — не сосчитаешь. Некоторые — весьма фасонистые.

Последние годы Патриарх Пимен тоже провёл в инвалидной коляске — на холодных полах и ему довелось послужить вдоволь.

Когда он умер, осталась только обиходная монашеская одежда. Мне передали его башмаки — простежки, грубые, какие в те времена выдавали рабочим на производстве. Разве только оклеенные изнутри ворсистой тканью, как говорится, “на рыбьем меху”, — не иначе, утеплял какой-то сапожник. Одну пару таких ботинок Патриарх износил, а вторая была в запасе — она то мне и досталась.

Ботинки эти согревали меня необыкновенным теплом, когда той же зимой я начал служить в краю заснеженном и холодном.

ПОКА НЕ ПОЗДНО

В студенческие годы его признавали и талантливым, и успешным. После премьеры оркестровой сюиты профессор сказал, что Греков, хоть и не любит авангардизм двадцатого века, может стать прекрасным композитором, но отчего-то добавил: “Если не бросит писать”. Похоже, старик обладал прозорливостью: композиторская карьера у Грекова не задалась, и он превратился в обыкновенного настройщика фортепиано. Хорошо ещё, что взял его к себе однокурсник, ставший директором музыкальной школы. Тот, к слову, был авангардистом и ещё со студенческих времён называл приятеля “последним композитором девятнадцатого столетия”, заверяя, что теперь так писать нельзя...

Греков надеялся на работу в кинематографе, однако началась эпоха сериалов, а они вполне обходились без музыки. Известный режиссёр, с которым Греков начал сотрудничать, развёл руками: “Всё! Кино кончилось! Ты опоздал!”

Тяготы бытия оказались непосильными для жены Грекова, которая, надо полагать, рассчитывала на более безоблачное существование. Она стала раздражаться, скандалить, и семья развалилась. Немного посокрушавшись, Греков сумел кое-как обустроить своё бытие, и жизнь его потекла размеренно и спокойно. Безмятежность эту встряхнуло мгновение, имевшее невероятно важные и продолжительные последствия.

Неподалёку от дома, в котором жил Греков, началось восстановление православного храма. Прежде в нём располагался швейный цех какой-то фабрики. Однажды, проходя мимо и увидев открытую дверь, Греков из любопытства зашёл. Несколько человек — мужчины и женщины, молодые и старые — разбирали перегородки, таскали мусор, драили пол. Худой высокий старик, который, похоже, был здесь за главного, увидев Грекова, сердито воскликнул:

— И вы в ботинках? Я же просил, чтобы хоть кто-нибудь пришёл сегодня в резиновых сапогах и в плаще!

Греков с неожиданной для самого себя готовностью сказал, что живёт рядом и может переодеться.

— Только побыстрее, пожалуйста, а то ведь у нас электричество отрезано, света нет, так что надо успеть, пока не поздно.

Когда через несколько минут запыхавшийся Греков вернулся в резиновых сапогах и полиэтиленовом дождевике, старик вручил ему шланг. Начали с цехового туалета. Здесь уже не было ни кабинок, ни фаянсовой сантехники, однако на стене висели ещё чугунные сливные бачки. Старик, оказавшийся архитектором, указал Грекову под самые своды и отвернул вентиль.

Струя ударила, побелка потекла, обнажая фреску, и открылся лик, глаза которого показались Грекову огромными. Он отдернул руку со шлангом.

— В чём дело? — поинтересовался старик, стоявший поодаль.

— Кто это? — спросил Греков.

— Спаситель, — отвечал старик, — Иисус Христос. Продолжайте.

Греков отмыл всю фреску: лик Спасителя возвышался над бачками, один из которых был прибит прямо к фигуре Христа.

— Это несовместимо, — пробормотал Греков дрогнувшим голосом, когда перекрыли вентиль и наступила тишина. Старик плакал.

И хотя всё на храмовой фреске было в высшей степени соразмерно, память Грекова запечатлела смотрящие прямо на него глаза, показавшиеся ему огромными. Глаза эти пробуждали в душе чувство стыда — вполне понятного стыда за тех, кто устроил кощунство, и необъяснимого стыда за себя самого. Пока ещё не объяснимого.

Через несколько дней по дороге на работу он вышел из метро на станции, возле которой был большой собор, и заглянул, чтобы узнать насчёт крещения. Женщина, стоявшая за прилавком с иконками и свечами, сказала, что у них крестят по воскресеньям, и записала его. До воскресенья оставалось пять дней.

Однако на следующее утро он снова, не доехав до работы, пришёл в собор. Женщина стала возмущаться: “Я же вам объяснила — по воскресеньям, после службы!” — и позвала батюшку. Греков сказал: “Простите, ноги как-то сами привели”.

Батюшка велел одному из помощников немедленно готовить крещение.

— А служба? — спросил тот, взглянув на часы.

— Окрещу, тогда начнём.

Греков смутился:

— Ну, что так из-за меня...

— Вас не ноги привели, — отвечал батюшка, — а душа, она ведь по природе христианка. И если душа так истово устремляется к единению с Богом, препятствовать нельзя. Не приведи Господи, случится что с человеком, а я не окрестил его, хотя мог, мне на Страшном Суде так достанется — костей не соберёшь...

После крещения Греков с яростью новообращённого бросился открывать мир доселе ему почти не ведомый. Как всякий неопит, он был одержим потребностью поделиться в разговорах с друзьями своими открытиями и даже написал статью, которую опубликовал какой-то журнал. Там было всё искренне, всё правильно, хотя и банально. Впрочем, попадались весьма занятные соображения. Так, Греков утверждал, что либерализм начался с крика “Распни!” и что в этом призыве до сего дня заключён главный смысл либерализма. А “толерантность” он именовал термином сатанинским, призванным из вроде бы гуманистических побуждений уравнивать зло с добром, хотя сказано: “Что общего у Христа с велиаром?..”

В эту благодатную пору он поступил на заочное обучение не то в семинарию, не то в богословский институт и даже окончил заведение, а потом принял постриг и совершенно пропал из виду. Бывшие коллеги даже не знали, жив ли он.

Однажды от каких-то любителей “дикого” туризма пришла весть, что на берегу северного озера несколько монахов живут в скиту и среди них есть москвич с консерваторским образованием. Да и по возрасту он вроде бы соответствовал Грекову. Однако телефонной связи с этими краями не существовало, и потому узнать что-либо ещё не было никакой возможности.